

- Randall, A. (2004) *Pusbkin and the Queen of Spades*. New York, Houghton Mifflin. 294 p.
- Spivak, G. C. (2003) *Death of a Discipline*. New York, Columbia University Press. 136 p.
- Vermeulen, T. (2013) Metamodernist Affect. *American Book Review*, vol. 34, no. 4, pp. 8–9.
- Wegner, P. E. (2009) *Life between Two Deaths, 1989-2001: U.S. Culture in the Long Nineties*. Durham, Duke University Press. 296 p.

Submission date: 19.03.2019.

Афанасов Николай Борисович — младший научный сотрудник сектора социальной философии Института философии РАН. Адрес: 109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Тел.: +7 (495) 697-98-93. Эл. адрес: n.afanasov@gmail.com

Павлов Александр Владимирович — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель сектора социальной философии Института философии РАН. Адрес: 109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Тел.: +7 (495) 697-98-93. Эл. адрес: ale-pavlov@yandex.ru

Afanasov Nikolay Borisovich, Junior Research Fellow, Sector of Social Philosophy, RAS Institute of Philosophy. Postal address: 12, Bldg. 1, Goncharnaya St., Moscow, Russian Federation, 109240. Tel.: +7 (495) 697-98-93. E-mail: n.afanasov@gmail.com

Pavlov Aleksandr Vladimirovich, Candidate of Law, Leading Research Fellow, Head, Sector of Social Philosophy, RAS Institute of Philosophy. Postal address: 12, Bldg. 1, Goncharnaya St., Moscow, Russian Federation, 109240. Tel.: +7 (495) 697-98-93. E-mail: ale-pavlov@yandex.ru

DOI: 10.17805/zpu.2019.2.5

Элитаристский дискурс справедливости: современные концепции и Россия

Г. Ю. КАНАРШ

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН

В статье на примере концепций двух влиятельных авторов второй половины XX в. — социологов Майкла Янга и Дэниела Белла — анализируется идея меритократии — власти наиболее достойных, наиболее заслуженных.

Рассматриваются основные идеи знаменитой книги (антиутопии) М. Янга «Возвышение меритократии». Охарактеризованы основные этапы становления меритократического общества в антиутопии Янга. Показано, что основная проблема меритократии в изображении британского социолога — ее морально-этические изъяны, которые приводят в результате к классовому конфликту, последующему кризису и падению меритократии. С точки зрения автора статьи, более привлекательным выглядит социальный идеал, описанный Янгом, в рамках которого «общество талантов» понимается не как сугубо технократическое, а как подлинное общество равных возможностей.

Показано, что Д. Белл считает меритократию неотъемлемым атрибутом постиндустриального общества, однако учитывает критику этой идеи в работах М. Янга и Д. Ролза. Поэтому подлинная меритократия у Белла — это «справедливая меритократия», сочетающая равное уважение всех с отличием некоторых (наиболее достойных).

Изучены взгляды на проблему меритократии в современной России. Автор опирается главным образом на анализ российской ситуации у отечественного элитолога Г. К. Ашина. Он показывает, что элитные трансформации в постсоветской России, значительно изменив некоторые важные характеристики элиты, не изменили главного — ее морального облика.

В заключение автор указывает, что меритократия обязательно должна сочетаться с развитыми демократическими механизмами, для того чтобы избежать отчуждения народа от власти.

Ключевые слова: элита; меритократия; М. Янг; Д. Белл; российское общество; справедливость

ВВЕДЕНИЕ

На примере концепции Х. Ортега-и-Гассета (Ортега-и-Гассет, 2002) мы можем увидеть, что развитие ценностных теорий элиты характерно не только для обществ с сословной структурой или обществ, переживающих социально-политические трансформации, но сохранивших сильную связь с прошлым (как это было, например, в России второй половины XIX в.), но также для современных либерально-демократических обществ. В последних элитаристские тенденции сохраняются, однако *существенно трансформируется само понятие элиты*: если раньше оно означало прежде всего социальное и политическое господство наследственной аристократии (концепции европейских и русских консерваторов), то в XX в., с окончательным утверждением на Западе либерально-демократических ценностей, элита означает уже господство лучших *в ином смысле* — нравственном и духовном, а также научно-техническом и управленческом. Иными словами, утверждается *концепция элиты как меритократии* — власти наиболее достойных (от лат. *meritum* — заслуга).

С развитием прогресса — науки и техники — кардинальным образом изменилась жизнь современных обществ. Во-первых, они стали значительно сложнее в плане своего управления, а во-вторых, значительно усилилась международная конкуренция. И выжить — а тем более лидировать — в этом новом и чрезвычайно усложнившемся мире могут только те страны, общественная, экономическая и политическая система которых устроена оптимальным с точки зрения научно-технического прогресса образом. Именно этот посыл — привести экономику и общественно-политическую систему в соответствие с требованиями международной конкуренции — является главным в современных концепциях меритократии, наиболее значительные из которых представлены в работах английского политика и социолога Майкла Янга и теоретика постиндустриального общества американского социолога Дэниела Белла. Определенная разница между этими концепциями состоит в том, что Янг пишет еще об индустриальном обществе (точнее, позднем индустриальном обществе), а Белл выступает уже в роли теоретика постиндустриализма.

В настоящей статье предпринята попытка проанализировать две наиболее влиятельные концепции меритократии (М. Янга и Д. Белла), для того чтобы очертить тот морально-политический идеал, к которому должны стремиться в своем развитии современные общества, включая Россию. Мы полагаем, что таким идеалом должна стать именно справедливая меритократия, если пользоваться термином Д. Белла. В том числе задача статьи заключается в том, чтобы соотнести данный идеал и социальные реалии постсоветской России. Как мы покажем, эти реалии до сих пор мало соответствовали основным параметрам меритократического общества.

МЕРИТОКРАТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ М. ЯНГА

Считается, что сам термин «меритократия» введен в научный и общественно-политический дискурс Майклом Янгом, и впервые он прозвучал в его знаменитой антиутопии «Возвышение меритократии» (1958, переводное издание: Янг, 1991). В этом про-

изведении Янг рисует впечатляющую картину возвышения и последующего кризиса меритократического общества, истоки которого он обнаруживает в последней трети XIX столетия и развитие которого, как мы сказали выше, было связано с усилением международной конкуренции. Как показывает Янг, до начала фундаментальных реформ британского общества, осуществляемых с 1870-х гг., Британия во всех важнейших сферах управлялась на основе принципа nepотизма — и в этом, с точки зрения Янга, заключался ее основной порок как общественной и экономической системы. Сам же nepотизм — занятие всех важнейших постов в обществе на основе неформальных связей, а фактически наследования — был укоренен в культуре и традициях аграрного общества, которые в свою очередь — благодаря инерции традиций — распространились и на общество индустриальное. Как пишет Янг, практически все более или менее значимые посты в данном обществе передавались по наследству: сын врача становился врачом, сын адвоката — адвокатом, сын промышленника — промышленником независимо от наследования таланта. И, естественно, ситуация, когда такое количество людей находилось не на своем месте, приводила в итоге к тому, что Британия оказывалась перед угрозой социально-экономического отставания от других держав с более прогрессивной общественной структурой.

Как выход из такого положения — с последней трети XIX в. в Британии начались фундаментальные реформы общественно-политической системы, первым этапом которых стала реформа государственной службы. Было введено обязательное обучение, а все важнейшие посты — от правящего класса до администраторов, клерков и технических специалистов — стали замещаться на основе конкурсного отбора, в котором участвовали выпускники университетов разного уровня, а также лицеев (грамматических школ). Янг пишет: «...такова была модель, которую любой разумный организатор мог тиражировать. И в тысяче копий она была распространена по всем отраслям торговли и промышленности, начиная с крупных компаний, таких как Империял Кемикалз и Юнилеверс, а затем всеми процветающими общественными корпорациями» (Янг, 1991: 321; см. также: Мальцев, 1984: 214–243).

В результате система гражданской службы в Британии стала лучшей в мире. Однако другая серьезная проблема, которую данная реформа не решила, заключалась в отсталом характере системы образования: из-за неразвитости этой системы большое количество талантливых учеников были вынуждены — из-за финансовых трудностей — рано покидать стены школы и устраиваться на непрестижные работы, тогда как значительное количество бесталанных детей, напротив, делали карьеру и занимали высокие посты в государстве. Как пишет Янг, система государственной службы в определенной мере компенсировала эту вопиющую несправедливость, предоставляя социальные лифты для действительно талантливой молодежи, однако в самом своем существовании система оставалась порочной.

Поэтому вторым важнейшим этапом реформирования британского общества стала реформа системы образования, ядром которой стало реформирование системы лицеев (грамматических школ). Реформа предусматривала два основных шага. Первый заключался в существенном поднятии стипендии ученикам грамматических школ, второй — в общем увеличении государственного финансирования данного вида учебных заведений, из которого значительная часть пошла на поднятие заработной платы учителям. В результате удалось решить две основные проблемы: во-первых, предотвратить ранний уход учеников из школы на производство (из-за нехватки средств к существованию), а во-вторых, в школу были привлечены лучшие специалисты. В итоге

грамматические школы стали лучшими средними учебными заведениями в стране, а после фактического слияния их с частными публичными школами им практически не осталось альтернативы.

Итак, с 1870-х гг. и до второй половины XX в. в британском обществе, согласно сюжету антиутопии М. Янга, были осуществлены две важнейшие реформы — реформа государственной службы и реформа системы образования. В результате общество смогло максимальным образом аккумулировать ресурс талантливых людей, которые теперь — если они изначально принадлежали к низшим классам — могли посредством жесткой системы отбора (включавшей не только традиционные экзамены, но и тесты интеллектуальности) прийти в элитные грамматические школы, чтобы, отучившись в них положенный курс (и это гарантировали повышенные стипендии), пойти затем в престижные университеты. Однако на пути полного торжества меритократии в Британии стояла еще одна серьезная препона. Ею стала геронтократия — власть пожилых людей. Эта власть, как пишет Янг, с особенной силой проявляла себя на производстве, где даже талантливые выпускники грамматических школ и университетов — пока они были достаточно молоды — не могли сделать серьезную карьеру. До определенного момента геронтократия была стабилизирующим обществом фактором, однако с продвижением социальных реформ все более становилась заметной ее антипрогрессивная роль. В итоге геронтократия была побеждена, и меритократические принципы торжествовали во всех важнейших сферах британского общества — в системе государственного управления, в образовании и промышленности. Формула же меритократии приняла следующий вид: *интеллект плюс усилия равно заслуга* («Intelligence and effort together make up merit ($I + E = M$)») (Young, 1961: 94).

Казалось бы, модель общества, сконструированная М. Янгом, во всем отвечала своему предназначению: благодаря созданной институциональной системе удалось преодолеть многовековую инерцию и осуществить отбор талантов для всех важнейших сфер, что и обеспечивало международную конкурентоспособность. Однако именно в этот период — период своего взлета — меритократическая система Британии столкнулась с неожиданными трудностями, которые в итоге привели к ее кризису на исходе первой трети XXI в. Проблема состояла в *усилившемся разрыве между социальными классами*, когда верхние классы (представители новой элиты) стали крайне пренебрежительно относиться к представителям низших классов, в то время как в этих, последних, классах, благодаря возникшим меритократическим институтам, стала концентрироваться основная масса бесталанных людей. Ситуация усугублялась тем обстоятельством, что принадлежность к тому или иному классу в меритократическом обществе теперь рассматривалась как *полностью соответствующая справедливости*, поскольку отбор велся на основании объективных критериев, главным из которых стали показания интеллектуальных тестов и тестов определения способностей. В результате меритократия приобрела очень серьезный морально-этический изъян, который и стал основанием для ее последующей дискредитации и упадка.

Итак, как же относиться к образу меритократии, нарисованному в антиутопии британского социолога?

С одной стороны, образ этот является положительным, поскольку меритократия, как показывает Янг, позволяет преодолеть инертность общества и достигнуть высоких показателей экономической эффективности, выиграть в международном эконо-

мическом соревновании. Однако, с другой стороны, Янг несомненно прав в том, что описанное им меритократическое общество имеет изъян в том отношении, что руководствуется «весьма» узким критерием отбора талантов, фактически игнорируя все то, что не способствует достижению экономической эффективности. Поэтому весьма привлекательным выглядит содержание манифеста противников меритократии, приводимое Янгом, в котором они высказываются за *принципиально новое понимание равенства возможностей*: «...в свете этого подхода авторы Манифеста стремились дать новое понимание равенства возможностей. Его, как они говорили, не следует понимать как возможность восхождения по социальной лестнице, но следует расценивать как равную возможность для всех людей, независимо от их «интеллектуальности», развивать свои достоинства и таланты, которыми они наделены, все свои способности оценивать красоту и глубину человеческого опыта, весь свой потенциал для осуществления полноты жизни. Ребенок, каждый ребенок есть драгоценный индивидуум, а не просто потенциальный функциональный элемент общества» (там же: 170).

И все же, несмотря на убедительную и справедливую критику меритократического идеала в антиутопии М. Янга, меритократия остается весьма влиятельной концепцией на протяжении всего XX в., а также в начале века XXI. Это связано прежде всего с развитием теории и практики постиндустриального общества, где знания, интеллект, как известно, становятся основным капиталом. В этом отношении весьма важной является концепция меритократии американского социолога, одного из главных теоретиков постиндустриализма Д. Белла.

МЕРИТОКРАТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ Д. БЕЛЛА

Взгляды Д. Белла на меритократическую справедливость, изложенные им в статье «Меритократия и равенство» (Белл, 2004: 546–616), не содержат развернутой концепции, однако позволяют увидеть некоторую эволюцию меритократических идей во второй половине XX столетия. Прежде всего, как мы уже отмечали выше, Белл, в отличие от Янга, говорит уже не об индустриальном, но о пришедшем ему на смену *постиндустриальном обществе*, которое, согласно американскому социологу, по самой своей природе является меритократическим. Постиндустриальное общество — это общество знаний, общество, в котором интеллект, образование и компетенции являются главным капиталом. В таком обществе невозможно сделать карьеру, не получив хорошего образования. Вследствие этого естественным является также тот факт, что положение человека в социальной иерархии во многом определяется его квалификацией, которая, в свою очередь, подтверждается различными документами — дипломами, аттестатами, лицензиями и т. д. Как пишет Белл, «меритократическое общество является “сертифицированным обществом”, где засвидетельствование результатов — посредством ученой степени, квалификационного экзамена или лицензии — становится условием получения более престижной работы» (там же: 555–556).

Однако в чем Белл видит главную трудность такого общества? Вслед за М. Янгом, описавшим кризис меритократии, Д. Белл показывает, что уже на заре возникновения постиндустриализма возникает мощная популистская оппозиция этому обществу, представители которой требуют не справедливой иерархии, а социального равенства. Непосредственно в США популистское движение принимает форму движения за *позитивную дискриминацию (positive discrimination)*, т. е. за предоставление квот при

поступлении в университеты, а также подобных привилегий при приеме на работу (включая работу в высших учебных заведениях) для представителей этнических меньшинств и женщин. В этом движении, начавшемся в 1960-е гг., Белл вслед за некоторыми другими исследователями видит серьезное наступление на меритократический принцип. В то же время, как полагает американский социолог, движение за позитивную дискриминацию, черпая свою энергию в подлинном движении за справедливость (либеральное стремление гарантировать индивиду равные права независимо от его принадлежности к той или иной группе), на деле извратило исходный либеральный посыл, поскольку позитивная дискриминация означает именно то, что с человеком обходятся не как с личностью, но как с частью той или иной группы, к которой индивид принадлежит. Кроме того, как полагает Белл, «дискриминация наоборот» означает обхождение с человеком как с «частичным» индивидом, поскольку он получает признание в обществе только на основании какой-либо одной узкой характеристики — например, расовой или этнической. В любом случае, согласно Беллу, позитивная дискриминация вызывает больше вопросов и возражений, нежели дает удовлетворительный ответ на вопрос о справедливости.

Что же в таком случае является подлинным ответом на вопрос о справедливости, если всеобщее уравнивание не является таковым? Как мы уже сказали выше, Белл, как и Янг (предположительно), является сторонником меритократического общества. Меритократия же, согласно Беллу, «...в самом высоком понимании этого слова состоит из тех, кто этого достоин. Они являются людьми, олицетворяющими собой лучших специалистов в своих областях, согласно мнению собственных коллег» (там же: 613). Однако, провозглашая такое понимание меритократии (фактически как общественное правление лучших — технократической элиты), Белл, сообразуясь с опытом, описанным в «Восхождении меритократии», а также учитывая критику данного общественного строя со стороны философов-эгалитаристов, прежде всего американского философа Д. Ролза (см.: Ролз, 1995: 97–103), определенным образом *пересматривает значение данного понятия* — в сторону разумного компромисса с эгалитаризмом. Так, Белл различает справедливую и несправедливую меритократию. Несправедливая меритократия — та, которая не принимает в расчет интересы низших классов (как это описано у М. Янга), попросту пренебрегает ими, тогда как справедливая меритократия — та, которая учитывает эти интересы.

Рассуждая в последней части своей статьи о меритократии и равенстве, Белл отмечает, что фундаментом общества, конечно же, является равенство. Люди должны быть равны как минимум в трех отношениях. Во-первых, в отношении пола, возраста, расовой и этнической принадлежности и т. д. Во-вторых, равенство должно существовать в отношении получения справедливой оплаты труда на производстве. И в-третьих, равенство необходимо, когда речь идет о получении основных благ, касающихся поддержания нормального человеческого существования. Однако равенство не есть уравнивательность, и общество должно быть надежно защищено от чрезмерного эгалитаризма. Согласно Беллу, в современном обществе, несомненно, имеются сферы, куда эгалитарные тенденции не должны проникать. К таким сферам в значительной мере относится высшее образование, бизнес и государственное управление. Социолог пишет: «...общество нуждается в предпринимателях и новаторах, которые могли бы увеличить объем его производительных богатств. Общество нуждается в политических деятелях, которые могут хорошо им руководить. Качество жизни в любом обществе в значительной мере определяется качеством его управления. Общество, не

выдвигающее лучших своих людей во главу своих основных институций, в социологическом и моральном отношении абсурдно» (там же: 613).

В чем же заключается разумный компромисс с эгалитаризмом, если меритократическое общество — это по-прежнему общество правления элит? Этот компромисс у Белла обнаруживает себя в двух, как кажется, отношениях. Во-первых, в отношении получения материальных благ: Белл вслед за теоретиками-эгалитаристами говорит, что каждому должен быть гарантирован *некоторый социальный минимум*. Во-вторых, таковой компромисс обнаруживает себя в отношении, как мы бы сказали, справедливости признания: социолог считает, что в современном обществе *равное уважение ко всем должно сочетаться с определенным отличием* (или восхвалением, как он говорит вслед за другим социологом — У. Д. Рансименом) *некоторых*. Как пишет Белл, «однако если тщеславие — или «я» (ego) — не может быть устранено, можно наблюдать равенство уважения по отношению ко всем и дифференцированную степень восхваления, приходящуюся на долю некоторых» (там же: 615). Поэтому в итоге, как считает Белл, меритократия, достигшая определенного компромисса с равенством, есть общество, основанное на неравенстве, но тем не менее справедливое. Требования же популистов есть не что иное, как борьба не за справедливость, а против элитизма в принципе, основанная на *сверхчувствительности*.

Таким образом, можно видеть, что уже в работах Д. Белла концепция меритократии подверглась определенной корректировке, что сделало ее более сбалансированной и отвечающей важнейшим современным представлениям о справедливости.

Итак, можно охарактеризовать элитаристский дискурс справедливости на основных этапах его развития (см.: Канарш, 2019). Начало этого дискурса лежит еще в философии Античности (Платон и Аристотель). Элитаристским, иерархическим было моральное и политическое сознание Средних веков. Элитаристская интерпретация основ политической жизни прослеживается в дальнейшем в консервативной мысли (Э. Берк, Ж. де Местр), затем во «второй волне» консерватизма (Ф. Ницше, К. Н. Леонтьев), а позже — в философии Х. Ортега-и-Гассета (если брать ценностные теории элит), во второй половине XX в. — в современных концепциях меритократии. Сегодня, если говорить про элитарность в политике, то практически общепризнанным является ее понимание именно как *реализации справедливости, основанной на меритократическом принципе* — принципе отбора лучших в управленческую элиту общества на основании критерия заслуг. В этой связи интересно сравнить то, на каких основаниях строится элитарное в современной в России, с этим общезначимым в настоящее время критерием.

МЕРИТОКРАТИЯ И РОССИЙСКИЕ РЕАЛИИ

Как показывает в своей книге об элитах известный отечественный элитолог Г. К. Ашин, в постсоветский период мы являемся свидетелями существенных элитных трансформаций (Ашин, 2010). Главный вектор этой трансформации заключается в переходе от единой, монолитной моноцентричной элиты советского времени к демократической, плюралистической версии элиты (правда, этот вектор начал меняться в обратную сторону с начала 2000-х гг., что было связано с политикой президента В. В. Путина). Как показывает Ашин, элиты не только в целом стали более плюралистичными, изменились и многие другие их характеристики — социальные, культурные, демографические. Так, несомненными плюсами элитных трансформаций, согласно Ашину, является то, что новые элиты (Ашин пишет преимущественно об эли-

тах 1990-х гг., но многое из отмеченного им можно отнести и к современным элитам) являются более образованными, многие их представители имеют ученые степени, в целом можно говорить о значительном увеличении в их составе носителей гуманитарного знания (в противовес советским преимущественно технократическим элитам).

Постсоветские элиты, несомненно, являются более открытыми, они гораздо проще общаются с массами, нежели элиты советского времени. В то же время, как отмечает Ашин, постсоветские элиты (думаем, что это прежде всего характеризует элиты 1990-х гг.) оказались менее готовы к реальному управлению обществом, поэтому фактически власть по-прежнему принадлежит правящей бюрократии (как и в советское время). Однако не это — слабая готовность к реальному руководству — составляет подлинную проблему нынешних элит (как элит 1990-х, так и современных российских элит). Главная проблема заключается в чрезвычайно низком моральном уровне правящей элиты. Как отмечает элитолог, «новая элита сплошь и рядом не выдерживает испытания властью» (там же: 448; схожие выводы см.: Федотова, 2011). Конкретно это проявляется в эгоцентричном, материалистическом и хищническом поведении новых российских элит, в их стремлении прежде всего к удовлетворению собственных материальных интересов. В результате — уже на нынешнем этапе российского развития — происходит отчуждение народа от власти, народ не воспринимает власть как свою, считает ее «чужой». Исключение в этом плане составляет, пожалуй, только президентская власть (власть нынешнего президента В. В. Путина, но не Б. Н. Ельцина). В результате, как пишет Ашин, мы можем говорить об элитной трансформации в постсоветский период, *но не о смене элит как таковой*, ибо последняя предполагает фундаментальные трансформации внутри элиты, смену ее состава и социальной базы. В этой связи Ашин цитирует известного российского политика Э. Лимонова, который сказал как-то, что в схватке коммунистов с демократами победили чиновники (там же: 457).

В целом же постсоветские российские элиты в значительной мере характеризуются чертами, присущими и большевистским элитам. Это касается в первую очередь социального радикализма постсоветских элит (в большей мере, думаем, элит 1990-х гг.), а также коррумпированности, взяточничества и казнокрадства. Говорится также о некомпетентности российских элит — в этом плане они в значительной мере уступают элитам советского времени. В целом, как полагает Ашин, «номенклатурное прошлое и сегодня во многом определяет облик, черты поведения элиты, ее оторванность от масс» (там же: 459).

Наконец, еще один важный вопрос — вопрос о рекрутировании элиты. Как мы уже сказали выше, в современном обществе в качестве единственно справедливого признается меритократический критерий — критерий отбора лучших на основании талантов и заслуг. Однако в современной России, как показывают Г. К. Ашин и другие исследователи (см., напр.: Ратленд, 2016; Шестопал, 2016; Гаман-Голутвина, 2012; Крыштановская, 2005), отбор ведется вовсе не по названному критерию, а по критерию личной преданности, близости какому-то влиятельному лицу. То есть фактически на основе nepотизма, который, как показал М. Янг в «Возвышении меритократии», есть главный враг меритократической системы. Но в России nepотизм пронизывает общество сверху донизу — им объаты не только элитарные слои, но и практически все слои нашего общества.

Что же остается делать в этом случае? Как считает Г. К. Ашин, надо последовательно выстраивать меритократическую систему. Им называются несколько основных

инструментов. Во-первых, это психологические тесты (например, тесты определения коэффициента интеллектуальности и тесты определения способностей). Во-вторых, это конкурсная система замещения должностей в системе государственной службы. И надо сказать, что такая работа по выявлению кадрового резерва новой России уже ведется с конца 2000-х гг. В-третьих, важность отбора по критерию хорошего здоровья, в том числе здоровья нравственного. Именно отбор людей с незапятнанной репутацией есть важнейший критерий формирования дееспособной и ответственной элиты. И наконец, в-четвертых, необходимо начинать работу с талантливыми людьми уже со школьного возраста — именно отбор лучших уже в системе школьного образования является важнейшей предпосылкой создания меритократического общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В качестве заключения нам хотелось бы предостеречь от несколько односторонней оценки меритократии — как общества подлинно справедливого. Как показал уже М. Янг в 1958 г., меритократия, хотя она и является, несомненно, более справедливым обществом по сравнению с системой nepotизма, в то же время обнаруживает достаточно серьезные нравственные дефекты. Они стали причиной раскола между правящим и управляемым классами и последующих народных волнений, описанных в антиутопии английского социолога. И не случайно то, что Д. Белл в 1970-х гг., извлекая урок из критики Янгом и Д. Роулзом системы меритократии, говорит уже не просто о власти заслуженных, но о «справедливой меритократии», которая уважительно относится к нуждам и интересам низших классов. Хотелось бы особо отметить и тот факт, что тенденции внутри меритократического общества, которые были описаны в «Восхождении меритократии» М. Янга достаточно выпукло обнаруживают себя и в современной истории Сингапура — единственной страны, где меритократия заявлена в качестве официальной идеологии. Существенно не только то, что именно благодаря власти наиболее одаренных людей современный Сингапур стал одним из лидеров постиндустриального общества, но также то, что вместе с институционализацией меритократической системы, предполагавшей в том числе и самые высокие в мире зарплаты высшим чиновникам, росло высокомерие меритократической элиты, ее оторванность от нужд и чаяний простых людей. Следствием чего стало усиление политической оппозиции на выборах последних лет (Wong, 2013).

Таким образом, вслед за зарубежными исследователями, авторами книги «Восточноазиатский вызов демократии: политическая меритократия в сравнительной перспективе» (The East Asian Challenge for Democracy ... , 2013), отметим, что меритократическое общество, для того чтобы быть подлинно справедливым, нуждается в демократических механизмах, которые позволили бы представителям не-элиты контролировать власть. Только в этом случае интересы простого населения могут быть гарантированы, а положение правящих групп не будет сопровождаться проявлением высокомерия и самодовольства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ашин, Г. К. (2010) Элитология: история, теория, современность : монография. М. : МГИМО-Университет. 600 с.

Белл, Д. (2004) Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования : пер. с англ. 2-е изд., испр. и доп. М. : Academia. CLXX, 788 с.

Гаман-Голутвина, О. В. (2012) Метафизика элитных трансформаций в России // Политические исследования. №4. С. 23–40.

Канарш, Г. Ю. (2019) Элитаристский дискурс справедливости: теоретические истоки // Знание. Понимание. Умение. №1. С. 83–98. DOI: 10.17805/zpu.2019.1.5

Крыштановская, О. В. (2005) Анатомия российской элиты. М. : Захаров. 384 с.

Мальцев, Г. В. (1984) Буржуазный эгалитаризм: Эволюция представлений о социальном равенстве в мире капитала. М. : Мысль. 288 с.

Ортега-и-Гассет, Х. (2002) Восстание масс // Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс : сб. : пер. с исп. / М. : ООО «Издательство АСТ». 509, [3] с. С. 11–208.

Ратленд, П. (2016) Постсоветские элиты России // Политические исследования. №3. С. 55–72. DOI: 10.17976/jpps/2016.03.06

Ролз, Д. (1995) Теория справедливости / пер. и науч. ред. В. В. Целищева. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та. 532 с.

Федотова, В. Г. (2011) Роль и ответственность элиты в общественных преобразованиях // Знание. Понимание. Умение. №4. С. 9–19.

Шестопад, Е. Б. (2016) Элиты и общество как политические акторы в постсоветской России // Социологические исследования. №5. С. 35–43.

Янг, М. (1991) Возвышение меритократии / пер. А. Волкова // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежн. лит. : пер. с разн. яз. ; сост., общ. ред. и предисл. В. А. Чаликовой. М. : Прогресс. 405 с. С. 317–346.

The East Asian Challenge for Democracy: Political Meritocracy in Comparative Perspective (2013) / Daniel A. Bell & Chenyang Li (eds.). Cambridge University Press. 416 p.

Wong, B. (2013) Political meritocracy in Singapore // The East Asian Challenge for Democracy: Political Meritocracy in Comparative Perspective / Daniel A. Bell & Chenyang Li (eds.). Cambridge University Press. 416 p. P. 288–313.

Young, M. (1961) The Rise of the Meritocracy. An Essay on Education and Equality. London : Penguin Books. 190 p.

Дата поступления: 15.03.2019 г.

ELITIST DISCOURSE OF JUSTICE: MODERN CONCEPTIONS AND RUSSIA

G. YU. KANARSH

RAS INSTITUTE OF PHILOSOPHY

The article analyzes the idea of meritocracy — the power of the worthiest, the most deserved — on the example of the concepts of two influential authors of the second half of the 20th century — sociologists Michael Young and Daniel Bell.

The author considers the main ideas of the famous book (dystopia) by the British sociologist M. Young “The Rise of Meritocracy” and characterizes the main stages of the formation of a meritocratic society in Young’s dystopia. It is shown that the main problem of meritocracy in the image of the British sociologist is its moral and ethical flaws, which eventually lead to class conflict and the subsequent crisis and fall of meritocracy. From the author’s point of view, the social ideal outlined by Young looks more attractive, within the framework of which the “society of talents” is understood not as a purely technocratic, but as a genuine society of equal opportunities.

It is shown that D. Bell considers meritocracy an integral attribute of a postindustrial society, but takes into account the criticism of this idea in the works of M. Young and J. Rawls. Therefore, Bell’s true meritocracy is a «just meritocracy» combining equal respect for all with the distinction of some (the worthiest).

The views on the issue of meritocracy in contemporary Russia are studied. The author relies mainly on the analysis of the Russian situation by the domestic elitologist G. K. Ashin, who shows that the elite transformations in post-Soviet Russia, significantly changing some important characteristics of the elite, have not altered the main thing — its moral appearance.

In conclusion, the author points out that meritocracy must be combined with developed democratic mechanisms in order to avoid alienation of the people from authorities.

Keywords: elite; meritocracy; M. Young; D. Bell; Russian society; justice

REFERENCES

- Ashin, G. K. (2010) *Elitologiya: istoriya, teoriya, sovremennost': monografiya*. Moscow, Moscow State Institute for International Relations (University) Publ. House. 600 p. (In Russ.)
- Bell, D. (2004) *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt social'nogo prognozirovaniya* / transl. from English. 2nd edition, revised and expanded. Moscow, Academia. CLXX, 788 p. (In Russ.)
- Gaman-Golutvina, O. V. (2012) Metafizika ehlitnyh transformacij v Rossii. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya*, no. 4, pp. 23–40. (In Russ.)
- Kanarsh, G. Iu. (2019) Elitaristskii diskurs spravedlivosti: teoreticheskie istoki. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 1, pp. 83–98. DOI: 10.17805/zpu.2019.1.5
- Kryshstanovskaia, O. V. (2005) *Anatomiia rossiiskoi elity*. Moscow, Zakharov. 384 p.
- Mal'cev, G. V. (1984) *Burzhuaznyj ehgitalarizm: Evolyuciya predstavlenij o social'nom ravnenstve v mire kapitala*. Moscow, Mysl'. 288 p. (In Russ.)
- Ortega y Gasset, J. (2002) Vosstanie mass. In: Ortega y Gasset, J. *Vosstanie mass*. Collected works / transl. from Spanish. Moscow, AST Publ. House. 509, [3] p. C. 11–208. (In Russ.)
- Ratlend, P. (2016) Postsovetskie ehliny Rossii. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya*, no. 3, pp. 55–72. DOI: 10.17976/jpps/2016.03.06 (In Russ.)
- Rawls, J. (1995) *Teoriya spravedlivosti* / transl. and ed. by V. V. Celishchev Novosibirsk, Novosibirsk State Univ. 532 p. (In Russ.)
- Shestopal, E. B. (2016) Elity i obshchestvo kak politicheskie aktory v postsovetsoj Rossii. *Sociologicheskie issledovaniya*, no 5, pp. 35–43. (In Russ.)
- The East Asian Challenge for Democracy: Political Meritocracy in Comparative Perspective* (2013) / Daniel A. Bell & Chenyang Li (eds.). Cambridge University Press. 416 p.
- Fedotova, V. G. (2011) Rol' i otvetstvennost' elity v obshchestvennykh preobrazovaniyakh. In: *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no 4, pp. 9–19. (In Russ.)
- Wong, B. (2013) Political meritocracy in Singapore. In: *The East Asian Challenge for Democracy: Political Meritocracy in Comparative Perspective* / Daniel A. Bell & Chenyang Li (eds.). Cambridge University Press. 416 p. P. 288–313.
- Young, M. (1961) *The Rise of the Meritocracy. An Essay on Education and Equality*. London: Penguin Books. 190 p.
- Young, M. (1991) Vozvyshenie meritokratii / transl. by A. Volkov. In: *Utopiya i utopicheskoe myshlenie: antologiya zarubezhn. lit.* / transl. from different languages / compilation, general editorship and Foreword by V.A. Chalikova. Moscow, Progress. 405 p. Pp. 317–346. (In Russ.)

Submission date: 15.03.2019.

Канарш Григорий Юрьевич — кандидат политических наук, старший научный сотрудник сектора социальной философии Института философии РАН. Адрес: 109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Тел.: +7 (495) 697-98-93. Эл. адрес: grigkanarsh@yandex.ru

Kanarsh Grigoriy Yuryevich, Candidate of Political Science, Senior Research Fellow, Sector of Social Philosophy, RAS Institute of Philosophy. Postal address: 12, Goncharnaya St., Bldg. 1, Moscow, Russian Federation, 109240. Tel.: + 7 (495) 697-98-93. E-mail: grigkanarsh@yandex.ru